

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Л.Н. ГУМИЛЕВА**

НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ЕВРАЗИЯ»

**ВОЕННОЕ ДЕЛО УЛУСА ДЖУЧИ
И ЕГО НАСЛЕДНИКОВ**

Сборник научных статей

Астана-2012

**«А ОРДИНЦИ И ДЕЛЮИ, А ТЕМЬ ЗНАТИ СВОЯ СЛУЖБА, КАКО ТО
БЫЛО ПРИ НАШЕМЪ О(Т)ЦИ, ПРИ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗИ...»
(К ВОПРОСУ ОБ ОРИЕНТАЛИЗАЦИИ МОСКОВСКОГО ВОЙСКА
СЕРЕДИНЫ XIV-НАЧАЛА XV ВЕКОВ)**

Влияние монголо-татарского завоевания на земли и народы, ему подвергшиеся, до сих пор, к сожалению, недооценено. Во многом, в этом повинно довольно субъективное мнение большинства исследователей, занимавшихся данным вопросом. В настоящей статье автор попытается показать, как это влияние отразилось на военном деле части земель Северо-Восточной Руси, именуемых в истории Московским, а впоследствии Русским Государством.

«Батыево нашествие», произошедшее в 30-40-х годах XIII столетия, закончилось для русских княжеств по-разному. Часть, такие как Владимирское, Рязанское, Галицко-Волынское, вступили в вассально-союзнические отношения с завоевателями. Пальму первенства в деле установления таких взаимоотношений держит великий князь Владимирский и Киевский Ярослав Всеволодович, который в 1245 году «поеха в Татары к Батыеви, а сына своего Костянтина посла къ Канови; Батыи же почти Ярослава великого чествою и мужи его, и отпусти его, и рече ему: «Ярославе буди ты старси всемь княземь в Русскомь языке». Ярославъ же возвратися в свою землю с великою чествою» (ПСРЛ т. I, 2001, ст. 470). Возможно, его опередили рязанцы – братья Ингварь и Олег Ингваревичи, но достоверных сведений на сей счет нет (Хрусталева, 2004, с. 155-156). Последним из великих (владетельных) князей в 1246 году прискал на поклон в Орду Даниил Романович Галицкий. Ему была нужна поддержка для борьбы с Западом, и потому он не погнушался испить кумыса, чем заслужил высшую похвалу Бату: «Ты уже нашъ же Тотаринъ, пии наше питье» (ПСРЛ т. II, 2001, ст. 807).

Часть земель потеряла самостоятельность и попала под прямое правление завоевателей. Более всего не повезло Чернигову. Его князь Михаил Всеволодович не захотел «поклонитися огневи и болваномъ их» (ПСРЛ т. II, 2001, ст. 795) и был казнен в 1245 году. Потомки князя Михаила сохранили власть на окраинах княжества, но о титуле «великих» уже не мечтали. Примечательно, что про «южный поход» 1240-1242 годов в летописях говорится, что Бату: «Единъ по единому многос множество безчислено Русских градовъ взять и всех поработи и восводи своя посажа» (ПСРЛ т. X, 2000, с. 117). Ранше, в описаниях походов 1237-1239 годов, про татарских воевод, оставленных в захваченных городах, не упоминалось.

Кроме летописей, желание завоевателей обосноваться в южнорусских городах подтверждается и другими документами. Например, в жалованной грамоте великого князя Рязанского Олега Ингваревича Ивану Шаину «что есте был посажен от Батыя на Чернигове владетелем» (АСЭИ СВР, т. III, №347, 1964, с. 373). Грамота датирована 1257 годом. Н.М. Карамзин сомневался в подлинности этой грамоты, из-за того, что она написана бумаге. Но великий историк и в происхождение своей фамилии от некоего Кара-мурзы не верил, а Олег Ингваревич почти 20 лет провел в плену у монголов, побывал и в Орде Великого Хана. Вполне мог привезти с собой немного китайской экзотики при возвращении.

После утверждения власти Улуса Джучи в завоеванных землях и ухода основных сил монгол в родные степи Бату пришлось полагаться только на ресурсы завоеванных, так как «коренных монголов» у него осталось крайне мало, по словам Рашид ад-Дина, всего 4 «тысячи»¹¹⁶. Если верить маститому историку и великому визирю ильханов Газана и Улджейту, на начало XIV века военное состояние Улуса Джучи выглядело следующим образом: «В настоящее время большая часть войск Токтая и Бояна есть потомство этих четырех тысяч, а что прибавилось за последнее время, то – из войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним» (ЗОВИ, т. I, 2003, с. 405). Примерно такого же мнения придерживается и арабский географ Ибн Фадлаллах ал-Омари: «У султана этого государства рати Черкесов, Русских и Ясов» (ЗОВИ, т. I, 2003, с. 103), он же подметил еще одну особенность нового государства: «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами» (ЗОВИ, т. I, 2003, с. 105), не забыв присовокупить и о кипчаках: «Тюрки этих стран, из лучших родов Тюркских по своей добросовестности, храбрости, избеганию обмана, совершенству своих станов, красоте фигур и благородству своих характеров. Из них большая часть войска Египетского, ибо от них султаны и эмиры сего» (ЗОВИ, т. I, 2003, с. 103). При таком положении, единственное, что могло сплотить эту разноликую массу людей в боеспособное войско, была дисциплина, а как основная сего составляющая – унификация вооружения и тактики ведения боевых действий, вне зависимости от того, к какому народу принадлежали воины и каким богам они молились. Подобная практика применялась монголами давно.

¹¹⁶ Некоторые современные исследователи, например, глубокоуважаемый мною Р.И. Храпачевский, ставят под сомнение такое утверждение. Однако его выводы – не столь безукоризненны, чтобы их принимать на веру безоглядно. Если численность монголов в Улусе Джучи и была несколько выше, то не помпозно. О чем свидетельствуют и другие древние сообщения. Можно привести строки из «Истории Вассафа»: «а четыре личные тысячи Джучиевы Керк, Азан, Азль и Алгуй составлявшие более одного тумана живого войска...» (ЗОВИ, т. I, 2003, с. 268). Или вспомнить «Сокровенное сказание» с 9000 юрг и тремя шойонами Хуцаном, Муцкеуром и Кете, выделенных Джучи (СС, 2002, с. 124-125). Все они говорят о сравнительно небольшом количестве воинов монголов. Увеличивать произвольно их число при желании можно, но не совсем понятно зачем? Величие Бату в том и состоит, что он практически на пустом месте создал новое государство, из совершенно разных народов, за что и получил у потомков прозвание Саин-хан, т.е. «хороший», «добрый» правитель.

Ибн Фадлаллах ал-Омари оставил нам описание хорезмийских воинов, попавших под управление Улуса Джучи одними из первых: «Когда это государство, после царей Харезмских перешло к Чингизханидам, то у войск Харезмских остались прежние отведенные им земли; все, что находилось в руках их отцов, теперь остается в руках их сыновей. У эмиров, говорит он, свои земли, которые иному приносят в год 200000 динаров и менше до 100000 динаров ходячих. Что касается ратников, то ни одному из них не платится иначе, как серебром высшей доброты. Все они равны между собой и получают в год каждый по 200 динаров ходячих. Костюм их был как костюм войск египетских и сирийских при мусульманском правлении и в ближайшем к нему времени. Теперь же у них костюм татарский, за исключением того, что у них маленькие круглые чалмы» (ЗОВИ, т. I, 2003, с. 110). По-видимому, нечто подобное произошло и с русскими землями. Князья-эмиры остались при своих землях и со своими ратниками, с той лишь разницей, что одни подчинялись своим «великим князьям» – «улуг эмирам», а другие – тем «владельцам», что посадил Бату и его наследники. Переход на «татарский костюм», в первую очередь, был необходим самим новым подданным, дабы во время похода или битвы не быть принятыми за неприятеля и подвергнуться нападению со стороны своих новых владык и союзников. Примером такого «переодевания» может служить описание войска Даниила Романовича Галицкого в 1252 году: «Данила же приде к нему, исполчи вся люди свос. Немцы же дивящиеся оружью Татарьскомуу бяша бо кони в личинахъ, и в коярехъ кожаныхъ, и людье во ярыцехъ, и бе полковъ его светлость велика от оружья блистающися, сам же еха подле короля, по обычаю Роускоу бе бо конь под нимъ дивлению подобень, и седло от злата, жьжсна, и стрелы и сабля златомъ оукрашена» (ПСРЛ т. II, 2001, ст. 814).

Даниила Романовича с сыновьями и его брата Василька можно понять – в походы с татарами на Польшу и Литву они ходили часто, и по большей части успешно. Справедливости ради, надо отметить, что и северные князья не чурались таких мероприятий. Например, в 1277-78 годах: «Князь же Ростовский Глебъ Васильковичь съ братаничемъ своимъ съ княземъ Костянтиномъ, князь Феодоръ Ростиславичь, князь Андреи Александровичъ и инии князи мнози съ бояры и слугами поехаша на воину съ царемъ Менгугемеромъ, и поможе Богъ княземъ Русскимъ, взяша славныи градъ Яьскыи Дедяковъ, зиме месяца Февраля в 8, на память святого пророка Захарии, и полонъ и корысть велику взяша, и супротивныхъ без числа оружиемъ избиша, а градъ их огнемъ пожгоша» (ПСРЛ, т. XVIII, 2007, с. 75). Вероятно, о внешнем виде своих бояр и слуг князь позаботился, чтобы их кто по ошибке не принял за ясов.

Возможно, выдача ярлыка, а соответственно и признание вассалитета, сопровождалось неким обрядом. «Егда же прииде Ярослав в Орду, и хан прият его с честью, даде ему доспех и повеле обвести его по чину на великое княжение» (Татищев, т. V, 1996, с. 44). Доспех, надо полагать, был «татарский».

Из сохранившихся известий видно, что русский воинский контингент довольно активно участвовал в ордынских войнах, как внешних, так и внутренних. Достаточно отметить, что первого «возмутителя спокойствия» в Улусе Джучи, всесильного темника Ногая, убил именно русский. В арабской энциклопедии ан-Нувейри об этом сказано: «...Ногай был разбит во время заката солнца; сыновья и войско его обратились в бегство. Сам же он оставался на коне своем, а он был уже в преклонных летах, и глаза его прикрывались волосами бровей его. Настиг его Русский из войска Токты и хотел убить его. Он сообщил ему о своей личности и сказал: «Я Ногай, отведи меня к Токте; мне нужно поговорить с ним». Но Русский не внял его словам, убил его, отнес голову к царю Токте и сказал: «Вот голова Ногая»» (ЗОВИ, т. I, 2003, с. 78).

Русские князья пытались пользоваться сложившимся положением, особо преуспел Федор Ростиславич, княжич смоленский, князь ярославский, отличившийся в вышеупомянутом яском походе. Своей красотой и ростом он удостоился внимания хана Менгу-Тимура и его жены Джиджекхатунь. В результате, стал ханским зятем – гургеном. Даже, если рассказ о сем событии приукрашен: «Сам же царь паки сугубо даруя ему грады многы, яко тридесять и шесть; в них же именовашеся: Черниговъ, Българы, Куманс, Корсунь, Туру, Казань, Арескъ, Гормиръ, Баламаты. К сим же владыке ему на послужение князей и бояр русских. Еще же полье града владыке ему своего, идеже царствова, златота и женчугу, и каменна многоценнаго, и сребра множества, и вся, елико давлеееть царскои чести» (СКЦР, т. I, 2007, с. 553). Но сам факт «... еже за нашего улусника и служебника вдати нам дщерь свою, паче же не единоверна закону нашему?» (СКЦР, т. I, 2007, с. 552), говорит о многом. Благодаря успешному браку, Федор Ростиславич стал великим князем Смоленским и вернул себе Ярославский престол. Все последующие «князи Ярославские» по праву могут считаться «роду царского», ибо пошли от сыновей Анны Менгутимуровны Давыда и Константина.

Стал гургеном в 1317 году и Московский князь Юрий Данилович, причем умудрился жениться на сестре самого величайшего владыки Улуса Джучи – Узбека (Султан Гийас ад-Дин Мухаммед – в мусульманской традиции). Хан Узбек слыл ярым поборником Ислама, из-за чего даже перебил 120 своих родственников чингизидов не желавших разделить его взгляды (ЗОВИ, т. I, 2003, с. 324). Однако это не помешало ему отдать сестру за «улусника и иноверца». «Кончакъ, княгиня велика Юрьева, сестра царева, нареченная в святом крещении Агафия» (ПСРЛ, т. XVIII, 2007, с. 88), позволила московскому княжескому дому притязать на Великое Княжение Владимирское. Есть версия, что и знаменитая «Шапка Мономаха» – подарок Хана своему зятю (Валсеева-Сулейманова, 2008, с. 26).

В целом, если смотреть на взаимоотношения Орды и русских князей непредвзято, складывается мнение, что «иго» князья надели на себя сами в ходе своей борьбы за первенство. Знаменитая «Дюденева рать» 1293 года была вызвана вовсе не желанием хана Тохты «разорить Русь», а необходимостью обезопасить себя от союза Великого Княжества Владимирского с темником Ногаем. Вместе

с братом Тохты Туданом (Дюденем) в походе участвовали уже известный нам гурген Федор Ростиславич и Ростовские князья Дмитрий и Константин Борисовичи. А Тверь от их посягательства спас, в конце концов, некий «цесарь Токтомер». По мнению А.А. Горского, это был чингизид, внук Шибана, Токта-Муртад, посланный соперником хана Тохты темником Ногаем (Горский, 2005, с. 17-25). Ханам Улуса Джучи была необходима лояльность русских княжеств и поступление с их территорий налогов, податей и военной силы, а вовсе не их окончательное разорение.

С начала XIV века экспансия Орды в западном направлении прекратилась, для завоеваний не хватало сил, главной задачей стало удержание уже захваченных территорий, на которые зарились Польша, Венгрия и новый политический игрок – Литва. В таком положении стабильность в русских княжествах стала первоочередной задачей золотоордынской политики. Для прекращения грызни между «русскими улусниками», из некогда единого Великого Княжества Владимирского были выделены сперва Великое Княжество Смоленское, затем Великое Княжество Нижегородское, последним – Великое Княжество Тверское. Такое действо позволяло ханам, опираясь на извечный принцип «разделяй и властвуй» несколько утихомирить обстановку.

На юге, где русские земли находились под «прямым правлением», политика тоже была смягчена и дала свои результаты. По-видимому, было воссоздано Киевское княжество, которое сначала противостояло Литве, а затем стало совместным владением Золотой Орды и Литвы. Интересен эпизод войны 1352 года, когда венгерское войско короля Лайоша Великого пыталось оказать помощь полякам на Волыни и в Подолии. В этой кампании венгров, при отступлении, преследовало войско, состоявшее из «septem millia Tartarorum et duo millia Ruthenorum», то есть из семи тысяч татар и двух тысяч русских, литовцы выступали в роли союзников татар (Вашари, 2010, с. 27). Следует отметить еще один пункт в договоре литовских князей, обосновавшихся на южной Руси с польским королем Казимиром и мазовецкими князьями, заключенный в середине XIV века. Там написано: «...аже поидуть та(та)rove на ляхы, тогда руси неволя поити и с татары» (АЗР, т. I, 1846, №1, с.1). Таким образом, хотя землями формально владели представители литовского княжеского дома, воинскую повинность люди, там проживавшие, несли ханам Золотой Орды. И воля хана имела приоритет над желаниями местных властителей.

В северо-восточных землях, до начала «Великой Замятни в Орде», последним крупным татарским походом можно считать подавление восстания в Твери зимой 1327-28 годов. О нем сказано: «Того же лета поиде велики князь Иванъ Данилович в Орду, а на зиму прииде изъ Орды на Русь, а с нимъ 5 темниковъ, великих князей, Федорчукъ, Туралыкъ, Сюга, и прочии. Князь же велики Иоанъ и князь Александр Васильевичъ Суждальский с предреченными князи Татарьскими по повелению цареву поидоша к Тфери и взяша градъ Тферь и Кашинь, а прочая грады и волости пусты сотвориша, а людси изскоша, а иных в полон поведоша» (ПСРЛ,

т. XXV, 2004, с. 168). Описание интересно тем, что в нем напрямую проведено сопоставление терминов «темник» и «великий князь». Они равнозначны. Приведены имена татарских темников – великих князей, особенно интересен первый – Федорчук, у него далеко не «татарское» имя, скорее всего, это какой-то южнорусский князь. Может быть, киевский Федор, упоминаемый в летописях под 1331 годом (ПСРЛ, т. III, с. 344) или, судя по «-чук» его сын. А может быть, кто-то из потомков Михаила Всеволодовича Черниговского, в их родословии множество темных мест. Ну и самое главное – во главе похода стояли московский князь Иван Данилович Калита и суздальский князь Александр Васильевич, которые судя по всему, тоже считались «темниками», так как в тексте сказано про 5 темников – великих князей, и названо соответственно 5 имен: Иван Данилович, Александр Васильевич, Федорчук, Туралык и Сюга.

После этого похода, по словам летописца «...бысть оттоле тишина велика на 40 лет» (ПСРЛ, т. XVIII, 2007, с. 90). Но с этим несколько не стыкуется сообщение 1339-40 годов: «Тоя же зимы выиде изь орды посол именем Товлубии, сгоже царь послалъ ратью къ городу къ Смоленську, а с нимъ князь Иванъ Коротопол Рязанский... И оттоле поиде ратью ис Переяславля къ городу къ Смоленську, а князь велики Иван Данилович послалъ же свою рать с Товлубьсмъ къ Смоленску, по цареву повелению, а отпустил князя Константна Суздальского, князя Константна Ростовского, князя Ивана Ярославичя Юрьевского, князя Ивана Дрютскаго, Федора Фоминскаго, а с ними воеводу Александра Ивановичя, Феодора Акинфовичя. И стояша рать у Смоленска немного днеси, и отступив поиде прочь, а города не взяша; милостию Божиєю съблюдена бысть рать вся Русская и ничимъ же не врежена бысть» (ПСРЛ, т. XVIII, 2007, с. 92-93). Несмотря на неудачу похода к Смоленску, переметнувшемуся под власть литовского князя Гедемина, мероприятие видится довольно солидным, в нем принимают участие рати княжеств рязанского, суздальского, ростовского, юрьевского, княжата «смоленского дома» (друтские и фоминские) и московские воеводы. Даже мирное прохождение такого воинства по своим землям, сложно назвать «великой тишиной». Интересно и то, что основную задачу выполняли именно русские, в то время, как татарский представитель Тоглу-бай (Селезнев, 2009, с. 177-178), назван просто «послом». Дело в том что «посол», отличался от «воеводы» или «темника» меньшим количеством воинского контингента находившегося под его командой. По имеющемуся сведению отряд под командой «посла» мог насчитывать 30, 50, 600, 700 или 1000 человек, но не более того (Горский, 2005, с. 52). В нашем случае, Тоглу-бай представлял самого хана в походе, а «рать» его составляли местные контингенты. В более позднем известии, относящемся к зимнему походу 1339-40 годов, упомянуты «князь Менгукаш и инии мнози князи съ Татары, ..., и баскаки, и Мордовския князи с Мордвичи» (ПСРЛ т. X, 2000, с. 211). Возможно, оно отражает не дошедшее до нас рязанское летописание, изложения которого столь много в Никоновском своде. Но и в этом случае мордовских князей с их войсками вполне можно отнести к «местным контингентам» обитавшим

неподалеку от Рязани. А «баскаки» напоминают тех людей, которым направлено «Благословление Феогноста, митрополита всея Руси, к детям моим, к баскаком и сотником, и к игуменом и попом, и ко всем крестьяном Червленого Яру, и ко всем городом, по Великою Ворону» (АСЭИ СВР, т. III, № 312, 1964, с.341). То есть, люди эти находились под юрисдикцией Золотой Орды, но если их «национальный состав» и может вызывать вопросы, то конфессиональная принадлежность несомненна. Последнее, что примечательно для данного похода: сам Великий князь Владимирский Иван Данилович в нем не участвует, в отличие от рязанского князя Ивана Коротопола, ограничивается посылкой князей-подручников и воевод. Это подчеркивает более высокий статус московского князя по сравнению с рязанским. Можно предположить, что Иван Данилович Калита был болен, он действительно вскоре скончался «месяца марта в 31 день». Но в таком случае, по всем правилам предусматривалось участие одного из сыновей, но про них тоже ничего не сказано. Смерть Великого князя, если и оказало влияние на кампанию, то только в ее кратковременности: «... и стояша у града немного, дни 8, и поидоша прочь граду не успеха ничто же» (ПСРЛ, т. XXV, 2004, с. 172). Таким образом, на исход похода больше повлияли болезнь и смерть князя Ивана Даниловича, нежели воля хана Узбека. Хан и сам прекрасно понимал, что порядок – «тишина» на Руси без утверждения там власти «московского дома» уже невозможен. А ради этой «тишины», можно было оставить на время в покое Смоленск.

Решение Султана Гийас ад-Дин Мухаммеда, именуемого чаще – хан Узбек, принятое на закате его жизни и правления, оказалось единственно верным. Именно «московский княжий дом», получивший поддержку, оказался самым верным вассалом Сарайских ханов. В то время как на юге, земли русских княжеств довольно быстро перешли под власть Литвы (хоть и оставались номинально в составе Золотой Орды), то на северо-западе Великое Княжество Владимирское (со времен Ивана Калиты, практически – Московское) стало надежной преградой литовским притязаниям. Нельзя сказать, что московские князья делали все по приказам ханов, скорее они добивались своих собственных целей. Но добивались их очень тонко и дипломатично, никогда не подвергая сомнению «вышнюю царскую власть». К примеру, знаменитая Куликова битва была не восстанием против «татаро-монгольского ига», а исключительно борьбой с узурпатором – «нечестивым и гордым князем Мамаем». На Непрядве практически сошлись рати северо-западной и юго-западной частей разваливающегося Улуса Джучи, под командой равнозначных в ордынской иерархии «великих князей» или, если угодно «улугов эмиров». Выиграл от этого совершенно другой человек – хан Токтамыш, которого Москва, после некоторых сомнений, опять признала «законным царем». Впоследствии московские князья до последнего старались держаться «законной власти», даже когда ханов в Сарае стал ставить по своей воле великий князь литовский Витовт. И продолжалось это до тех пор, пока Улус Джучи окончательно не развалился на части, а в руках московских князей не появился козырь в виде «своих чингизидов» – «царей городецких». Но к этому времени московские

князья вполне освоились с бюрократической и административной системой, привнесенной ордынцами из далекого Китая. Основной частью этой системы стало и военное устройство, конечно, со своими «местными» нюансами.

Как известно, после завоевания, на русских землях провели перепись. «В год гой-чоу (1253) было внесение в реестр числа дворов и совершеннолетних тяглых у русских и алан» (ЗОВИ, т. III, 2003, с. 208). По-видимому, в 1253 году было только принято решение о проведении переписи, так как в русских летописях само событие отмечено 1257 годом: «Тое же зимы приехаша численици ишетюша всю землю Сужальскую и Рязаньскую, и Мюрюмьскую и ставиша десятники, и сотники, и тысящники и темники, и идоша Ворду, толико не чтоша игуменовъ, черньцовъ, поповъ, крилошанъ, кто зреть на святую Богородицу и на владыку» (ПСРЛ т. I, 2001, ст. 474-475). Это подтверждают и китайские документы: «...года дин-сы... в девятой луне (8 октября – 7 ноября 1257) [Менгу] сделал Китая, сына зятя каана Лачина, даругачи по умиротворению и охране порядка у русских...» (ЗОВИ, т. III, 2003, с. 195). Какое отношение эта перепись имеет к военному делу, помогает понять запись грузинской хроники, повествующая о подобном мероприятии, проведенном в Грузии Аргуном: «И стали переписывать от людей до скотины, от нив до виноградников, от садов до огородов. И из девяти зажиточных крестьян одного отбирали для военных походов» (Хронограф, 2005, с. 77). Грузия, как и Великое Княжество Владимирское приняла вассальную зависимость от Великого Хана, и положение населения в обоих вассальных владениях не должно было сильно отличаться. Кроме того, грузинские рати, как и русские, со своими царями и князьями принимали весьма деятельное участие в военных предприятиях монголов. Аналогичная система действовала и в землях находящихся под «прямым управлением» монголов. Например, в Китае: «От каждого десятка [семей] в войска записывается один человек, такой, что находится [своими годами] в пределах – от 20 и старше, и до 30 лет включительно; после чего устанавливаются [им] начальники десятков, сотен и тысяч» (ЗОВИ, т. III, 2003, с. 212).

Следы этой переписи видны и в русских документах. В духовной грамоте великого князя Ивана Даниловича Калиты, датированной 1339 годом упомянуты «численные люди», про которых сказано: «А числьнии люд(и) ведаютъ с(ы)н(о) ве мои собча, а блюд(у)ть вси с одного» (ДДГ, 1950, №1, с. 8, 10). «Численные люди», по всей видимости, и есть те самые «совершеннолетние тяглые» с которых брались дани-подати для ханов, а упоминание о них в духовной московского князя подтверждает то, что на тот момент право сбора этих податей уже перешло в его руки. Однако князь имел над ними только «административную власть», он ими только «ведал и блюл», то есть собирал с них налоги, судил, следил за порядком, но не более того. В отличие от других категорий: «А что мои люд(и) куплений въ вел(и)комъ свертце, а тыми ся поделдтъ с(ы)н(о)ве мои». Земли «численных людей» были неприкосновенны, что тоже подтверждено грамотой писаной спустя 50 лет: «А численных людий блюсти ны с одного(о), а землю их не купити» (ДДГ,

1950, №11, с. 31). Таким образом, получается, что «численные люди» – это по сути люди, подчинявшиеся непосредственно царю-хану, но проживавшие на территории его вассала, который должен был этих людей холить и лелеять, дабы не причинить ущерб царской казне. «Люди численные» или «числяки» прослеживаются по документам до времен правления Ивана Васильевича Грозного, в то время, уже московский царь, стал «вышней властью» – «Государем Всея Руси», но термин сохранился, и Иоанн Васильевич упоминает их в своей духовной 1572 года (ДДГ, 1950, № 104, с. 433). Именно из земель «численных людей», Иван Грозный выделял поместья для своих приближенных: «Лета 7059-го октября царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии приговорил з бояры учинить в Московском уезде, да в половине Дмитрова, да в Рузе, да в Звенигороде, да в числяках, и в ординцах, и в перевесных деревнях и в тетеревиных и в оброчных деревнях, от Москвы верст за 60 и 70, помещиков детей боярских лутчих слуг 1000 человек» (ТК и ДТ, 1950, с. 53). К тому времени «числяки» уже вошли в категорию «сирот государевых», но по старой памяти сохраняли еще название, напоминавшее о татаро-монгольском владычестве. Государи московские, из их среды, как и из других категорий тяглового населения, набирали «посошную рать».

Наряду с «численными людьми» в русских документах упоминаются «ордынцы и делюи». Впервые в договоре, датированном 1367 годом: «А что наши ордынцы и делюи, а темъ знати свои служба, како было при нашихъ о(т)цехъ» (ДДГ, 1950, №5, с. 20). Некоторые исследователи склонны объединять «ордынцев» с «численными людьми», но думаю это не так. В том же договоре есть и такие строки: «А которые слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди к сотникомъ, тыхъ ны въ службу не примати, но блюсти ны ихъ ихъ [так в рукописи] с одного. Тако же и численыхъ людии» (ДДГ, 1950, №5, с. 20). То есть «численных» уместнее отнести к «черным людям», иначе к «тягловым». А «ордынцы и делюи» предназначались для иных целей – «знали свои службы». Какими были эти службы? В этом вопросе единого мнения нет. На сегодняшний день господствует взгляд, выраженный А.А. Горским, что все они: «Штат обслуживания ордынских интересов на Руси – «численные люди», «ордынцы», «делюи» (Горский, 2005, с. 193). Но какие «интересы» они «обслуживали»?

То, что: «Делюями должны были называться отличающиеся своей военной отвагой люди», прекрасно показали И.Г. Добродомов и В.А. Кучкин (Добродомов, Кучкин, 2000, с. 98). Постараемся несколько расширить и дополнить их предположения. Вопрос с «делюями» авторы разобрали досконально. Только вывод, сделанный ими: «следует думать, что, скорее всего, делюями именовали военную охрану, сопровождавшую доставляемую ордынским ханам дань с русских земель» (Добродомов И.Г., Кучкин В.А., 2000, с. 98), кажется не совсем полным. Во всех договорах и духовных, где упоминаются «службы» делюев, в период с 1367 по 1472 годы, рядом с ними всегда фигурируют и ордынцы (ДДГ, 1950, №5, с. 20, №7, с. 23, №11, с. 31, №13, с. 37, №45, с. 130, 133, 136, 139, №56, с. 170, 173, №58, с. 181, 184, №66 с. 215). Резонно предположить об одинаковом

характере службы обеих категорий. Соответственно, необходимо выяснить: в чем их отличия?

При внимательном рассмотрении станет ясно, что делюи входили в состав княжеских дворов (по-старому – дружин). В духовной грамоте князя Серпуховского и Боровского Владимира Андреевича, датированной 1401-1402 годами: «А с(ы)на Ивана бл(а)г(о)сл(о)вляю на старешыи пут(ь) ему в Москве и в станех конюшеи пут(ь), бортници, садовници, [псарь], бобровници, барыши и делюи. А тех бортников, или садовников, или псарей, или бобровников, или барышов, делюев не всхочет жыт(и) на тех землях, инь земли лишон, поиди проч(ь), а сами с(ы)ну, кн(я)зю Ивану, не надобе, на которог(о) грамоты полные не будет, а земли их с(ы)ну, кн(я)зю Ивану» (ДДГ, 1950, №17, с. 46). Делюи упомянуты в списке «слуг» – конюхов, бортников, садовников, псарей, бобровников, барышей. Надо помнить, что во времена средневековья все эти люди в военное время несли и военные обязанности. Название должности не должно вводить в заблуждение, в янычарском корпусе, к примеру, имелись свои садовники – «бостанджи», а псарь делились на несколько видов: «секбаны», «сасунджи», «загарджи», «турнаджи» и другие (История происхождения законов янычарского корпуса, 1987, с. 202, 205). Служили делюи либо как «слуги вольные» получая у князя земли в держание на время службы (поместье), либо на положении холопов давших на себя «полную грамоту». «Вольные», при желании, имели возможность уйти, но лишались при этом земли. Князь, со своей стороны мог выгнать такого слугу, если он его чем-то не устраивал.

Для поступления в делюи необходимо было соответствовать тюркскому прилагательному дели/тели/тельбе, то есть слыть «одержимым и безрассудным». Происхождение русского термина делюй именно от этого тюркского слова, как и подобных ему делит, делиа, делия, делий, делю в болгарском, македонском, сербохорватском, польском, венгерском, румынском и других языках хорошо показано в статье Добродомова и Кучкина (Добродомов, Кучкин, 2000, с. 96-97). Поэтому останавливаться на филологических изысках не стоит. От себя осмелюсь заметить, что возможна связь этого термина и с наименованием монгольского халата – дели. От него в русский язык пришло всем знакомое название тегилей – от монгольского дегель. А в польский и венгерский языки наименование военной одежды – делия, долман. Резонно предположить, что и одеяние делюев было «монгольским», или как считает М.В. Горелик – «общеимперским» (Горелик, 2011, 121-137).

«Ордынцы» в отличии от делюев в состав княжеских дворов-дружин не входили, они, как и численные люди подчинялись великим или удельным князьям чисто «административно». Но и от «числяков» они отличались. Численные люди делились между представителями московского княжеского дома, что видно из договора великого князя Василия Дмитриевича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем 1390 года: «А чьмь та бл(а)г(о)сл(о)виль о(те)ць твои и о(те)ць наш, князь великий, отъступил ти ся треть Москвы, и оч(и)

на твои Серпоховъ, и инага места, ... и численыхъ людий треть, как было при нашемъ о(т)це, при великомъ князи». Это впрочем, не отменяло принципа: «А численыхъ ны людий блюсти с единого». Таким образом, только подтверждалась их «административная» подчиненность удельному князю. Относительно ордынцев в том же договоре сказано: «А ординци и делюи, а темъ знати свои служба, како то было при нашемъ о(т)ци, при великомъ князи, а земль ихъ не купити». В отличии от более ранних упоминаний тут появляется запрет на отчуждение земель как ордынцев, так и делюев (ДДГ, 1950, №13, с. 37). Скорее всего, это вызвано еще большим усилением власти нового великого князя, получившего право надзора над ордынцами. Любопытна еще одна строка из договора:

«А московская рать ходить с моимъ восводою» (ДДГ, 1950, №13, с. 39). В предыдущем договоре 1389 года между великим князем Дмитрием Ивановичем и его братом князем Владимиром Андреевичем писано было несколько иначе: «А московская рать, хто ходил с восводами, те и нонеч(а) с восводами, а нам ихъ не приимати» (ДДГ, 1950, №11, с. 32). Там же и в отношении ордынцев сказано только «знати свои служба», относительно надзора над их землями – ничего нет. Получается парадоксальная ситуация: князь московский Дмитрий Иванович не имеет прав «приимати» московскую рать и ее восвод, а его сын князь Василий Дмитриевич, уже в следующем году получает возможность ставить «своего восводу». В.А. Кучкин, делавший подробный разбор договора 1389 года, так и не смог внятно объяснить указанную статью. Следуя сложившимся представлениям, он пустился в рассуждения: «Получается, что, придя к соглашению о свободе боярских переходов, стороны тут же запрещали такой переход большинству своих бояр и военных вольных слуг. Скорее, запрет распространялся только на начальствовавшую военную верхушку. Но даже такое ограничение нарушало принцип вольности боярской службы. Очевидно, конкретные военные интересы сторон в данном случае преваляли над давним принципом свободы боярского выбора службы» (Кучкин, 2007, с. 310). Такие размышления только еще более запутывают ситуацию. Главная, на мой взгляд, ошибка – это отождествление «военных вольных слуг» с «ратями». «Вольные слуги» князей составляли их «двор». В то же время «рати» в состав «дворов» не входили. Во всех упоминаниях они отделены друг от друга.

Если сопоставить данный момент с тем, что князь Василий Дмитриевич в 1390 году начинает назначать своего воеводу в «московскую рать», и одновременно надзирать и над землями «ордынцев», то невольно возникает мысль о тождестве «московской рати» (и ее восвод) с «ордынцами»?! Попробуем оценить ситуацию с такой стороны. Как известно, на покоренных монголами территориях существовало два вида «военных дворов»: «регулярный» – «чжень-цзюнь» и «вспомогательный» – «те-цзюньху». Первые поставляли воинов, согласно реестру, вторые их обеспечивали материально и обслуживали (ЗОВИ, т. III, 2003, прим. 581, с. 284-285). «Регулярные военные дворы» зафиксированы у аланов, где несколько позднее 1272 года с них было набрано 3000 воинов, из коих 700 было

отправлено в Китай в качестве «резерва» (гечжигеле ул) в «гвардию» (войска кешиктенов) Великого Хана. Позднее они получили там земли и образовали «гвардию асов». В 1309 году их поделили на «правую» (ю-вэй асу дучжихуйши сы) и «левую» (ЗОВИ, т. III, 2003, с. 215). Примерно в то же время, «в период Чжиюань» (1264-1294 гг.) была учреждена «гвардия кипчаков», первоначально она набиралась с 19 «действовавших в войсках тысячных» (син-цзюнь цяньхусо), для них создали 3 «конторы военных поселений» (туньяньсо). «В период Дадэ» (1297-1307 гг.) дополнительно создали два «тысячных» (цяньхусо), а в «в начальном году [девиза] Чжи-да» (1308) еще четыре (ЗОВИ, т. III, 2003, с. 215-216). «В двенадцатой луне начального года [девиза] Тянь-ли (1-30 января 1329 г.)» в империи Юань провели очередную реформу преобразовав «кешик» в «Личную гвардию особы императора» (лун-и шивэй). Это образование включало в себя 9 «управлений (сы) командующих с полками» набранными из всех народов. Наряду с «охранным полком из гвардии асов «Грозновоинственные», там присутствовал и «русский охранный полк из гвардии свиты императора «Всюду верные» (ЗОВИ, т. III, 2003, с. 216). Основываясь на данных Марко Поло про «кешик»: «Великий хан, знайте, ради важности, держит около себя охрану из двенадцати тысяч всадников; зовут этих всадников *quesitam*» (Книга Марко Поло, 1955, с. 110), можно с уверенностью сказать, что пришедшие на смену 9 «охранных полков» насчитывали по 1500 всадников каждый. У русского полка имелось свое военное поселение: «Двенадцатая луна (9 января – 7 февраля 1331 г.) Военному поселению русского охранного полка из гвардии свиты императора «Всюду верные» выданы крупный рогатый скот, семена и сельскохозяйственный инвентарь» (ЗОВИ, т. III, 2003, с. 206). Имеются еще упоминания об этих воинах под 1332 годом: «Были выданы для 1000 человек русских одежда и зерно»; и «Чжуван Аргашир преподнес двору 30 человек русских» (ЗОВИ, т. III, 2003, с. 206). По-видимому, это последние пополнения, пришедшие с Руси.

Наличие в юаньской гвардии полка из русских подразумевает и существование «военных дворов» на территории Руси. Утверждение Р.Ю. Почскаева: «...эту гвардию составляли не войска русских вассальных правителей Золотой Орды, а пленники, захваченные во время ордынских набегов на Русь и впоследствии «подаренные» ханом Узбеком своему китайскому родственнику и сюзерену» (Почскаев, 2010, с. 37) можно принять только отчасти. Пленники, конечно, могли присутствовать, но существование подобных частей, укомплектованных только пленниками, маловероятно. В таком случае можно и воинов кыпчакской и аланской гвардий записать в «пленники, захваченные во время набегов», а это, как мы убедились совсем не так. Но в том, что данные воины не входили в «войска русских вассальных правителей», Р.Ю. Почскаев прав. До 1390 года для «вассальных правителей» Северо-Восточной Руси действовал принцип: «а нам их не приимати» и «темь знати свои служба» (см. выше).

К сожалению, прямых указаний в источниках нет, но формироваться русский полк мог только по схеме, что и гвардия асов. Так как известный уже нам

Китай сын Лачина был назначен даругачи в земли «русских и алан» и под его руководством проводилась перепись, «число» – в русских источниках. Под «вспомогательные дворы» вполне подходят «численные люди». А кто состоял в «регулярных военных дворах»? В трактате «Войска» сказано: «Их [т.е. войск империи] организация [такова]: мужчины в семье, старше 15 и меньше 70 [лет], все сколько ни есть – зарегистрированы в призывном реестре как воины. Десять человек составляют десяток, [им] ставят десятника. [Когда они] на коне – готовы сражаться, а когда без коней – то собираются, чтобы пасти и выращивать скот. Ребята, которые еще не взрослые, все равно вписываются в этот реестр и называются «корпус подрастающих» (ЗОВИ, т. III, 2003, с. 211-212). Описание поразительно напоминает документы, известные в Московском государстве со второй половины XVI века под названием «Десятни». Само происхождение названия до сих пор вразумительно не объяснено. Но содержание полностью соответствует монгольскому «реестру». Туда вносились все «служилые» – то есть люди «воинского сословия», обязанные служить великому государю «конно, людно и оружно». Даже «корпусу подрастающих» есть русский аналог – «новики». Такой тип документа не мог возникнуть на пустом месте и скорее всего, «десятни» и как производная от них «списки по полкам» существовали намного раньше. Они тесно связаны с так называемыми «Разрядными Книгами». А существование разрядных книг «великого князя Василия Дмитриевича и великого князя Василия Васильевича», «великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки», «великого князя Василия Володимировича и великого князя Константина Дмитриевича» упоминается в документах (Лихачев, 2007, с. 436-437). Заглядывая еще глубже во «тьму веков», можно убедиться, что воинское сословие существовало на Руси и до монгольского нашествия. Из летописей известны «полки», называемые по имени земель, где они проживали: владимирцы, ростовцы, болозерцы, суждальцы и другие. Они отличались от княжских дружин, состояли из «воев» и находились под командой «воевод». Скорее всего, такое устройство было заимствовано из Византии и копировало «фемную систему», где на территории каждой «земли» – «фемы» существовали воинские поселения, в которых жили «вои» – «стратиоты». Их социально-правовой статус изучен слабо и требует дальнейшего исследования.

Если данное предположение, верно, то после установления власти монголо-татар на Руси произошел процесс, подобный зафиксированному в Хорезме: «у войск Харезмских остались прежние отведенные им земли; все, что находилось в руках их отцов, теперь остается в руках их сыновей» (см. выше). Таким образом, «воинское сословие» осталось при своих землях, со своими боярами – воеводами, но стало подчиняться непосредственно Великому Хану, а не местным князьям. Конечно, им приходилось участвовать в походах, под командой назначаемого сначала из Каракорума, а потом из Сарая начальника – даруги. Посылать своих представителей на вечное жительство в далекий Китай (это не факт, возможно, некоторые и возвращались). Но зато от власти «русских вассалов», они получали

иммунитет. Именно эти люди, судя по всему, и фигурируют в княжеских документах как «ордынцы».

Против данной гипотезы говорит устоявшееся мнение о существовании «института численных людей только в пределах Московского и Переяславского уездов», высказанное еще В.И. Сергеевичем (Добродомов, Кучкин, 2000, с. 90). Последующие исследователи распространили такое суждение и на «ордынцев». Но это несколько шаткое заявление, так как кроме вышеназванных уездов «численные земли и ординские» упомянуты в разсызжей грамоте 1504 года и в других местах. Они упомянуты среди «Можайских станов и волостей» (ДДГ, 1950, №96, с. 397, 400) и «Клинских станов и волостей» (ДДГ, 1950, №96, с. 402), о них ясно сказано, что это «земли мои, великого князя». Кроме того, вполне вероятно наличие таких земель в Дмитрове, Рузе, Звенигороде. География ограничивается только недостатком сохранившихся документов. Основной массив известий о «численных людях», «ордынцах» и «делюях» находится в документах московских князей, которые сначала за ними надзирали, а потом ими владели, а количество таких документов, к сожалению, невелико. Документов других династий – тверской, рязанской, нижегородской, смоленской не сохранилось. Но Можайск первоначально относился к великому княжеству Смоленскому и попал в сферу влияния Москвы только в 1303 году, а «числяки и ордынцы» там были. Клин попал под власть Москвы и вовсе в 1482 году, вместе со всей остальной тверской землей. Можно отметить наличие «ордынцев» в польских документах, относящихся к Галицкой земле (Вернадский, 2001, с. 232).

Данная теория во многом объясняет многие вопросы русской истории кажущиеся с первого взгляда непонятными. Например, борьба за «московское тысячство» Ивана Васильевича Вельяминова с князем Дмитрием Ивановичем. Чин «ордынского тысячника», который «[носил простую] золотую пайцзу» считался наследственным и лишить его мог только хан «если кто-то признавался виновным в преступлении, тогда [наследование должности] отменялось» (ЗОВИ, т. III, 2003, с. 211). Иван «Васильев сын тысяцкого» никаких преступлений не совершал. Упразднение «московской тысячи» являлось самоуправством местного «темника», которым Дмитрий Иванович и был. Соответственно Иван Вельяминов поехал жаловаться в «высшие инстанции» к хану, в Сарай, где обрел поддержку. Однако политическая обстановка позволила князю Дмитрию Ивановичу в 1379 году когда «поиде из Орды Иван Васильевич тысяцкий и, обольстиша его и персухитривьше, изымаша его в Серпухове и приведоша его на Москву. И месяца августа в 30 день, на память святого мученика Филикса, во вторникъ, до обеда, в 4 часъ дни убиснь бысть Иванъ Васильевичъ тысяцкий, мечемъ потять бысть на Кучкове поле у града у Москвы повелениемъ великого князя Дмитрея Ивановича. И бе множество народа стояще, и мнози прослезиса о немъ и опечалишася о благородстве и о величествии его» (ПСРЛ, т. XI, 2000, с. 45). Из летописного описания видно неоднозначность восприятия казни московским обществом. Но в 1379 году «измсну» Вельяминова можно было объяснить его

обращением к «неправильному» хану, поставленному узурпатором Мамасем. Этим же можно объяснить и присутствие на Куликовом поле, против Мамая, кроме подручных князей с их дворами, земских воевод: «Коломенского же полку воевода Микула Васильевич; Володимерьский же и Юрьевский воевода Тимофей Волусвичь, Костромской же воевода Иванъ Родионовичъ Квашня; Переславский же воевода Андрей Серкизовичъ» (ПСРЛ, т. XI, 2000, с. 54).

Прекрасно укладываются в схему и события 1382 года. Становится понятна причина разногласий недавних победителей. Великий князь Дмитрий Иванович «обретесе разность в них, не хотяху помагати... Бывшю промежи ими несединачеству и неимверьство, и то познав и разумев князь великий Дмитрие Иванович и бысть в недоумении и в размышлении, не хотя стати противу самого царя» (ПСРЛ т. XVI, 2006, с. 146-147). Против «самого царя», никто из «ратей-ордынцев» выступать не желал. Объяснение произошедшего в 1382 году, данное в Никоновской летописи: «оскуде бо вся Русская земля от Мамасва побоища за Дономъ, и все Русстии людие в велице страсти и трепете быша за оскудение людей» (ПСРЛ, т. XI, 2000, с. 72), сквозит лукавством. Немного времени спустя, зимой 1385-1386 годов, состоялся грандиозный поход великого князя Дмитрия Ивановича на Новгород. «Тое же зимы, в филипово говенье, пред рожеством Христовымъ великий князь Дмитрие Иванович собра воя многы со всеми князи Рускими и з братом своим со князем Володимером Ондресвичем, а с ним было ратей: Коломенская, Звенигородцкая, Можайская, Волоческая, Ржевская, Серпоховская, Боровская, Дмитровская, Переславская, Володимерьская, Юрьевская, Муромская, Мещерская, Стародубьская, Суздальская, Городецкая, Нижнего Новгорода, Костромская, Углическая, Ростовская, Ярославская, Моложская, Галичская, Бжжетцкая, Белозерская, Вологодцкая, Устюжская, Новоторжская» (ПСРЛ т. XVI, 2006, с. 153-154). О каком «оскудение людей» может идти речь! 28 ратей – полков, практически со всех земель входивших в Великое Княжество Владимирское! Больше чем на Куликовом поле! В чем разница? В целях и причинах похода. На Новгород «улуг эмир» Дмитрий Иванович идет для того, чтобы востребовать с «вольного города» золотоордынскую дань – «черный бор». Деньги чрезвычайно нужны хану Токтамышу, он собирается воевать со своим бывшим благодетелем Тимуром. Потому и «русскому улуснику» оказано огромное доверие, под рукой великого князя все войска, кои может выставить «русский улус», все люди: и те, кто служат хану-царю, и те, кто великому князю служат, и те, кто служат удельным князьям, и те, кто служит боярам-торханам. Великий князь с задачей справился с успехом: «И Ноугородцы вземше с полатей у святыя Софси 3000 рублев и послаша к великому князю Дмитрею Ивановичю с посадником з Григорьемъ Якуновичем и с посадником с Васильем Федоровичем. Они же привезше то серебро и даша великому князю, а 5000 рублевь dokonчали великому князю на Заволотцкой земле, зане же Заволочане были же на Волзе и приставове послаша за волок. А великий князь Дмитрие Иванович из Ямен воротися и поиде к Москве, а наместники своя и чернорборци посла в Новгород» (ПСРЛ т. XVI, 2006, с. 153-154). Для оценки

масштаба предприятия достаточно отметить, что ежегодный «ордынский выход» Великого Княжества Владимирского в то время составлял 5000 рублей (ДДГ, 1950, №13, с. 38), а с Великого Княжества Нижегородского «и всея Понизовския земли заволского юрту и севернова» (АСЭИ СВР, т. III, №307, 1964, с. 335) – 1500 (ДДГ, 1950, № 16, с. 44).

Отметим: именно те «рати, что ходили с восводами» на Новгород и обязывались не принимать к себе на службу (в свои дворы) оба донских героя – князя Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич в договоре 1389 года. Видимо, не до конца им доверился Токтамыш. Но положение резко поменялось со смертью великого князя Дмитрия Ивановича. На престол взошел его старший сын – князь Василий. Взаимоотношения царя Токтамыша с новым улусником довольно интересны. Весной 1383 года, в неполные одиннадцать лет, княжич Василий Дмитриевич был послан отцом в Золотую Орду с данью и, по-видимому, в качестве заложника. До конца ноября 1386 года он находится при дворе хана. Практически его становление как личности происходит там. Затем 26 ноября происходит «побег». Но с «побегом» не так все просто. 14-летний княжич со свитой бежит не домой, на Русь, а в далекую Валахию к Петру I Мушате, воеводе и господарю земли Молдавской (*Petrus Waiwoda dei gratia dux Terre Moldavie*). Там его забирает возвращающийся из Константинополя в Киев (с условием вернуться через год в Константинополь к патриарху) изгнанный из Москвы в 1382 году митрополит Киприан. Оттуда они напрямую направляются в «Немецкую землю» к литовскому князю Витовту Кейстутовичу, где при посредничестве Киприана происходит обручение Василия Дмитриевича с дочерью литовского князя Софьей (Быков, Кузьмина, 2001). И только после столь долгого и романтического путешествия возмужавший княжич в 1388 году «Генваря в 19 день» (ПСРЛ, т. XI, 2000, с. 90) оказывается в объятиях отца. «Побег» более похож на очень продуманную политическую миссию, имеющую цель создать союз между «воспитанником» Токтамыша, будущим Великим Князем Владимирским, и опальным литовским князем Витовтом, направленный против Короля Польского и Великого Князя Литовского Ягайло Ольгердовича. Причем организатором этого союза выступает Православная церковь, если не в лице Константинопольского Патриарха, то при непосредственном участии Митрополита Киевского и Московского Киприана. Токтамышу такой союз был необходим: наличие на западе объединенного Польско-Литовского королевства Ягайло Ольгердовича в преддверии неминуемой войны с Тимуром грозило гибелью Золотой Орде.

19 мая 1389 года великий князь Дмитрий Иванович умирает. Впервые в истории Великого Княжества Владимирское переходит по завещанию его старшему сыну князю Василию. Такое невозможно без санкции хана, но это происходит. Князю Василию Дмитриевичу даже не приходится ехать в Орду за ярлыком, ему его привозят: «Месяца Августа въ 15 день князь Василий Дмитриевичъ седесе на княжении на великомъ въ граде въ Володимери на столе отца своего и деда и прадеда, а посажен бысть царевым послом Шихматомъ» (ПСРЛ, т. XVIII,

2007, с. 139). Причем привозит не кто-нибудь, а шурина хана Токтамышша (ПСРЛ, т. XVIII, 2007, с. 139). Чувствуется поистине «отеческая» забота о воспитаннике. Но и на этом чудеса не кончаются, в завещании князя Дмитрия Ивановича впервые появляется фраза: «А переменить Богъ Орду, дети мои не имуть давать выхода в Орду» (ДДГ, 1950, №12, с. 36). Такое тоже невозможно без согласия хана, это прямая измена и мятеж. Но на все есть логичное объяснение, хан Токтамышш с момента разграбления его войсками зимой 1385-1386 годов Тебриза фактически находился в состоянии войны с повелителем Мавераннахра эмиром Тимуром. Хан Токтамышш прекрасно знал возможности эмира и его искусство в ратном деле. Исключать возможности поражения хан не мог. Поражение могло означать временное лишение престола и изгнание из столицы. Вот он и попытался несколько подстраховаться, дав юридическую возможность русскому улусу не платить дань тому, кого посадит в Сарас Тимур. Хана Токтамышша трудно назвать хорошим полководцем, но как политика его мало кто мог превзойти. События развивались точно так, как он и предполагал. Эмир Тимур захватил практически всю территорию Золотой Орды, только русский улус не подвергся разорению. К власти в Дешт-и-Кыпчак, по уходу эмира Тимура, пришел эмир мангытов Едигей. Он по примеру темника Мамай начал менять ханов по своему усмотрению. И в течение 13 лет великий князь Василий Дмитриевич не платил дани и не посещал никого из назначенных ханов. В Золотую Орду он поехал только после возвращения на престол сына Токтамышша Джелал-ад-Дина (Горский, 2005, с. 125-134).

Однако, мы довольно далеко отошли от военной темы, но без рассмотрения общей политической обстановки невозможно объяснить передачу контроля над землями людей, непосредственно служащих хану, в руки его вассала, что зафиксировано договором 1390 года. Может сложиться мнение, что все люди «воинского сословия» на Руси стали «ордынцами». Но такое предположение, высказанное в свое время А.А. Гордесвым, требует корректировки. Некоторых его во многом интересные мысли привели к полному отождествлению Александра Невского с Бату, а Дмитрия Донского с Токтамышшем, да и Золотая Орда, по их мнению, и есть Московское Царство. Однако, это не так. Гордесев прав в оценке переселенческой политики ханов Улуса Джучи: «Часть народа, предназначенная для пополнения вооруженных сил монгол, селилась на указанных им землях, обзаводилась семьями и превращалась в военные поселения. Ближайшими начальниками их становились урядники, сотники и бояре русской национальности, тысячниками, темниками и баскаками – становились монголы» (Гордесев, 1992, с. 35). Прав он отчасти в оценке роли выведенцев с русских земель в войске Золотой Орды. Но его чрезмерное увлечение преувеличением значимости именно «казачьего сословия» приводит к неправильным выводам. В первую очередь переселялись не только русские, но, как мы убедились, и другие народы. Из аланов-асов в Золотой Орде, в Приднестровье образовали целый тумен (ЗОВИ, т. I, 2003, с. 64). Да и казаков, обитавших на территории современной Украины,

не зря в XV-XVII веках называли «черкасами» так же, как и жителей Северного Кавказа. Также следует отметить, что деление людей в то время строилось не по «национальному» признаку. Во-первых, учитывался «служебный» статус, т.е. какому господину люди служили. Во-вторых, «конфессиональный», но первый превалировал. Как мы видели из послания митрополита Алексея к его пастве на Червленом Яру, тамошние баскаки – христиане, но они верой и правдой служат хану.

К «русским ордынцам» можно отнести только тех, кто состоял в «воинском сословии» на момент проведения первых монгольских переписей 1255-1257 и 1274-1275 годов. Тогда эти люди, как и «числяки» были прикреплены к своим землям и вплоть до свержения «ига» одни «знали свои службы» другие платили дани-выходы. Большинство знати, из бояр, вскоре перешли в ранг «тарханов» получив определенные льготы, в том числе право перемены «места службы», то есть перехода от одного сюзерена к другому. Но в целом главным владыкой, как для бояр, так и князей оставался царь-хан. В составе «ордынцев», скорее всего, оставались те, кого в более поздних документах мы видим под наименованием «городовых детей боярских», они особым достатком не обладали и по большей части «сами на себя пахали», в свободное от службы время.

Князья, после признания власти Улуса Джучи, остались при своих личных владениях, а того, что ранее считалось «государственным», лишились. Там они могли только собирать дани, да и то не для себя, а для царя-хана. Фактически князья в своих бывших княжествах становились наместниками, на что и получали ярлык – подтверждение своих полномочий. Собственные владения и достатки московских князей были не очень большими. Например, князь Симсон Иванович Гордый оставил своей жене всего 50 ездовых коней (ДДГ, 1950, №3, с. 14). Его младший брат князь Иван Иванович в завещании скрупулезно перечисляет золотые вещи: шапку, саблю, пояса, цепи (ДДГ, 1950, №16, с. 44), а их очень немного. Надо думать, что ранее они были еще меньше. Содержать большое количество военных слуг, из которых состояли личные дворы-дружины князей, не представлялось возможным. Потому основной задачей всегда являлось заселение бесхозных, невспаханных земель, не вошедших в татарские описи. Осуществить такое можно было или «кого к себе на те земли перезовет люди из иного княженья» (АСЭИ СВР, т. I, №30, 1964, с. 41), либо выводом в качестве пленных. Первое было намного надежнее, так как, несмотря на некоторые затраты, гарантировало от побегов.

Московским князьям в прибавке людей во многом помогали смуты в Улусе Джучи. Первый наплыв «людей» был связан с разгромом темника Ногая. Территории Южной Руси, им контролируемые, подверглись разорению и опустошению войсками хана Токты. В 1299 году, даже «Митрополитъ Максимъ, не терпя татарского насилья, оставя митрополью и збежа ис Кисва, и весь Киев разбежался, а митрополитъ идее к Брянску, и оттоле идее в Суждальскую землю и со всем своим житьем» (ПСРЛ, т. I, 2001, ст. 485). Примеру митрополита

последовало множество бояр и обычных людей. Из наиболее значимых источники отметили приход киевского «вельможи» Нестора Рябца с сыном Родионом и двором численностью в 1700 (!) человек. Можно сомневаться в том, что все они были «военными слугами», но если в названное число входят и члены семей, то оно весьма реально и внушительно. Сквозь дым столетий до нас дошли и имена двух «домочадцев, верных ему суше» – Свербей и Сарача (Горский, 2005, с. 35-40). Беглецы получили обширные земли, освоили их и верно служили непосредственно московским князьям, а впоследствии царям. Их потомки получили фамилию Квашнины. Тогда же на Москве появилось и семейство черниговского боярина Федора Бяконта, отца будущего митрополита Алексея, от него пошло множество боярских родов известных в истории. Федор Бяконт тоже получил земли у московского князя, а его люди их быстро освоили (Горский, 2005, с. 31-35). Бежали не только бояре со своими людьми, но и мелкие землевладельцы – военные слуги погибших или казненных бояр, бежали обычные «черные люди» – крестьяне и ремесленники. Всех их на Москве привечали и наделяли по чину. Черные люди становились крестьянами, получали земли, но дани платили уже московскому князю, а не хану. Военные слуги – «слуги вольные» документов, тоже получали земли и должны были за них служить князю. Из этих людей и формировался двор-дружина московских князей. Укрепление власти московских князей, усиление их влияния в Золотой Орде и получение ярлыка на Великое Княжение Владимирское дало еще больше возможностей для «перезыва людей». Из «Жития Сергия Радонежского» известно, что князь Иван Данилович Калита преднамеренно разорил (по современному «обанкротил») Ростовское княжество, обосновав свои действия несвоевременной выплатой «ордынского выхода», а затем «принял» большое количество ростовских выходцев в своих землях, в Радонеже. Среди них оказался и отец отрока Варфоломея, впоследствии Сергия – Кирилл. В Ростове, Кирилл был «единь от славных и нарочитых болярь», а в Радонеже, как и прочие, стал обычным «слугой вольным». Но, несмотря на это, они были довольны, так как князь Иван Данилович проявил заботу: «А наместника постави въ ней Терентиа Ртища, и лготу людем многу дарова, и ослабу обещаея такоже велику дати. Ес же ради лготы събрашася мнози, якоже и ростовския ради нужда и злобы разбегошася мнози». Подобные процессы множили богатство и силу московских князей, а соответственно и военную силу их дворов.

Ко второй половине XIV века многие отпрыски смоленских и черниговских княжых домов в стремлении попасть на службу к московским князьям «снимали» с себя княжье звание. Например «Князь Иван Федоровичь Шанур Козельский присхал из Козельска к Москве служить великому государю князю Ивану Даниловичу Калите, ..., а княжение снято» (Лихачев, 2007, с. 433-435). Все эти люди приносили клятву непосредственно своему князю: «А через сю мою грамоту яз, имярек, и со всеми своими детьми, что имем думати и починати, или явится что которое лихо наше перед нашим государем перед великим князем, имярек, и перед его детьми, ино не буди на мне, ни на моих детях милости божие... ни в сей век, ни

в будущий, а государь мой, князь великий, и его дети над мною и над моими детьми по нашей вине в казни волен. А по грехом по нашим какова придет на нас от кого обмолва государю нашему великому князю, имярек, и государю нашему великому князю без суда и без исправы не учинити нам ничего» (Веселовский, 1969, с. 477). Так же поступали и другие князья: рязанский, тверской, нижегородский, все кто имел возможность увеличивать свой достаток и двор. Этими своими дворами во второй половине XIV века князья могли решать свои споры военным путем, не обращаясь за помощью к царю-хану. Да и в Золотой Орде тогда началась Великая Замятня, ханы менялись очень быстро и даже при большом желании не имели бы возможности оказать помощи своим сторонникам на Руси. Они могли только рассчитывать на лояльность русского улуса. Даже темник Мамай не смог помочь своему протезе великому князю тверскому Михаилу Александровичу, когда в 1375 году на него набросилась коалиция всех остальных князей владимирской и окрестных земель: «Того же лета князь великий Дмитрий Иванович, подвигаясь с силою мною, събравъ вой многи, въ силе тяжце поиде ратью къ Твери на князя Михаила Александровича, а съ нимъ князи мнози и кийждо отъ своихъ градовъ съ своими полки, а съ нимъ тесть его, князь великий Дмитрий Костянтинович Суждальский, князь Володимеръ Андреевич, князь Борисъ Костянтинович, князь Андрей Александрович Ростовский, князь Дмитрий Костянтинович Ноготь Суждальский, князь Семень Дмитреевич, князь Иванъ Васильевич Смоленский, князь Василей Васильевич Ярославский, князь Федоръ Романовичъ Белозерский, князь Василей Михайловичъ Кашинский, князь Федоръ Михайловичъ Моложский, князь Андрей Федоровичъ Стародубский, князь Василей Костянтиновичъ Ростовский, князь Александръ Костянтинович, братъ его князь Романъ Васильевичъ Ярославский, князь Романъ Михайловичъ Брянский, князь Романъ Семеновичъ Новосильский, князь Семень Костянтиновичъ Оболенский, князь Иванъ, братъ его, Торусьский, и вси князи русстии, кийждо съ своими ратьми, служаще князю великому...» (ПСРЛ, т. XVIII, 2007, с. 115-116). Это воинство состояло именно из княжеских дворов, доказательством может служить тот факт, что в это же самое время: «Того же лета коли князь великий былъ подъ Тферью, а въ то время пришедше Новгородци, ушкунци, разбоиници 70 ушкуевъ, а старешина у нихъ именемъ Прокопъ, а другии Смолнянинъ, пришедше взяша городъ Кострому». Собственно «костромская рать» находилась дома: «гражане же изыдоша изъ града противу събрашася на бои, а воевода же бяше у нихъ, той же и наместникъ, Плещеевъ». Битва показала довольно низкую боеспособность этой «рати» и ее воеводы: «Воевода же увидевше, убояся, нача бежати, ни самъ на нихъ ударилъ, ни рати свои повелелъ, но выдавъ рать свою, покинувъ градъ свои, подавъ плещи, Плещеевъ побеже. Костромичи видевше то, не бившеся побегоша, и мнози ту на побоищи побьени быша и падоша, а друзии по лесомъ разбегоша, а иныхъ живыхъ поимаша и повязаша» (ПСРЛ, т. XVIII, 2007, с. 116).

По-видимому, все «земские рати» того периода порядком растеряли свою боеспособность, а главное дисциплину, они не особо подчинялись воеводам-

наместникам посланным князем московским, а воеводы не доверяли «ратям». Показателем может служить битва на реке Пьяне в 1377 году. Тогда «перебежа из Синие орды за Волгу некоторый царевич, именовъ Арапша, и въсхоте ити ратью къ Новугороду къ Нижнему. Князь же Дмитрие Костянтинович посла весть къ зятю своему къ князю великому Дмитрею Ивановичю. Князь же великий Дмитрие събравъ воя многы и прииде ратью къ Новугороду къ Нижнему въ силе тяжце, и не бысть вести про царевича Арапшу и възвратися на Москву, а посла на нихъ воеводы своя, а съ ними рать Володимерскую, Переяславскую, Юрьевскую, Муромскую, Ярославскую; а князь Дмитрие Сулсдальский посла сына своего князя Ивана, да князя Семена Михайловича, а съ ними воеводы и воя многы, и бысть рать велика зело». Против нападения залетного царевича, великий князь Дмитрий Иванович поднял рати ордынцев, пользуясь правом «великого эмира русского улуса». Но с его отъездом все пошло наперекосяк. Ратники не слушали воевод, воеводы не слушали нижегородских князей, номинально поставленных во главе. «Они ж оплошишася и небрежениемъ хожаху, доспехи своя на телеги своя а въскладаху, а инии въ сумы, а иныхъ сутици еше не насажены бяху, а щиты и копья не приготовлены, а ездять порты своя съ плечь спущавъ, а петли розстегавъ, аки роспрели: бяхше бо имъ варно, бе бо въ то время зноино. А где насхачу въ зажитыхъ медь или пиво, и испиваху до пьяна безъ меры, и ездять пьяни, по истини за Пьяною пьяни, а стареишины ихъ или князи ихъ или бояре стареишина, велможи или воеводы, те все поехаша ловы деюще, утеху си творяще мянщесе, аки дома» (ПСРЛ, т. XVIII, 2007, с. 118). Закономерен был и результат, воинство потерпело жестокое поражение.

Как видим, в конце XIV века в военной системе Владимирской Руси сложился некий «дуализм». Существовали военные контингенты, служившие Великому Князю Владимирскому, – «дворы», включавшие двор-дружину самого князя и дворы-дружины его бояр и князей-подручников. И одновременно с ними существовали «земские рати» – «ордынцы», которые подчинялись непосредственно хану-царю. Великому Князю Владимирскому они подчинялись только «административно», так как проживали на территории, ему подвластной. Великий Князь Владимирский мог их использовать во время нападения третьих сил – литовцев, «некоторого царевича Арапши из Синей Орды», но не во внутренних конфликтах, с тем же князем Михаилом Александровичем Тверским. Силой своего авторитета, князь Дмитрий Иванович смог их поднять против «узурпатора» темника Мамаея в 1380 году. Но как только появился «законный» царь-хан Токтамыш, «рати-ордынцы» отказались выступить против него в 1382. В 1385, против Новгорода «рати» опять шли по «цареву слову».

Конец «дуализму» настал с приходом к власти Василия Дмитриевича. Как уже отмечалось, он получил контроль над землями «ордынцев» и право назначать своих воевод в «рати». С удельными и служебными князьями закрепился принцип: «А где ти, господине, всести будет на конь, или ти будет куды нас послати и нам поити без ослушанья... А хто которому князю служит, где бы ни был, полести ему

с тем князем, которому служит. А городная осада, где кто живет, тому тутю сести, опроче пудных бояр» (ДДГ, 1950, №18, с. 52). Князья оставляли за собой право на свои дворы, но должны были беспрекословно подчиняться Великому князю, за что тот обязывался вознаграждать их: «А нас ти, господинс, жаловати и печаловатися нами и нашими вочинами» (ДДГ, 1950, №18, с. 52). Бояре постепенно стали делиться на две неравные части, одни стали «большими боярами» – «введенными» или «путными», вошли в «боярскую думу». Но большая часть «земских» бояр опустилась до уровня обычных «слуг вольных». В тоже время и «слуги» княжских дворов расслоились. Те, что имели свои земли – «вотчины», уравнились с «земскими» боярами и составили слой «детей боярских». Этот термин впервые в великокняжеской документации появляется в 1433 году в договоре великого князя Василия Васильевича с удельным князем Василием Ярославичем (ДДГ, 1950, №27, с. 70). До того в официальных документах фигурируют лишь бояре и слуги¹¹⁷, так же как в летописном упоминании Дедаковского похода 1277-1278 годов. Великий князь Василий Дмитриевич, перещеголял в своих начинаниях даже администрацию Золотой Орды. Если ханы освободили церковь от всех повинностей, то он распространил повинности и на «церковных людей». Не обошел Князь Великий своим вниманием и воинские силы, имевшиеся у митрополита: «А про войну, коли яз сам, князь велики, сяду на конь, тогда и митрополичим бояром и слугам, а под митрополичим воеводою, а под стягом моим, великого князя. А кто будет бояр или слуг не служивал Алексею митрополиту, а приказал ся ново митрополиту, а те пойдут под моим воеводою, великого князя, где который живеть, ин под тем воеводою и есть» (РФА, 2008, с. 86). Мало того, что митрополичий полк поступал под команду великого князя, но и все новые митрополичьи бояре-слуги теряли свою экстерриториальность и приравнивались к земцам.

Несколько слов следует сказать и о татарах, переселившихся в земли Северо-Восточной Руси, про одного, Ивана Шаина и о его переезде в Рязань, уже говорилось в начале. В остальных землях подобные приезды тоже не были в диковинку. Как мы уже отмечали, многие русские князья брали жен в Золотой Орде. Дамы были по большей части знатные и прибывали со своими свитами. Но и без того желающих служить русским князьям хватало. Интересно, что в случае опалы князей их слуги татары подвергались таким же гонениям, как и русские. Так при казни тверского князя Михаила Ярославича 22 ноября 1318 года «всехъ сущихъ с нимъ христианъ и Татаръ, служащихъ ему, имающе изобнажаху, и нагих влацаху, терзающее яко злодеевъ, и разведшсе поковаху» (ПСРЛ, т. X, 2000, с. 185). Осуществлял казнь интернациональный коллектив «Русь и Татарове»,

¹¹⁷ Речь идет именно о первом упоминании термина «дети боярские» в официальном документе, относящемся к Владимиро-Суздальской Руси. В летописных текстах такой термин можно найти и для более раннего времени, например в Новгородской первой летописи под 1386 годом, но там им именуются именно новгородцы, а сам список датируется серединой XV века. Присутствует термин и в некоторых списках литературных Памятников Куликовского цикла. Но все эти списки более позднего времени, а соответственно не может быть уверенности, что это не более поздние вставки призванные облегчить понимание написанного современному им читателю.

особо отличились некто Иванец и Романец. Примечательна и еще одна летописная фраза относительно князя Михаила Ярославича: «бе бо и Татарь тогда много у него служащихъ ему, и все плакаху со слезами» (ПСРЛ, т. X, 2000, с. 185).

Один знатный татарин «братанич царя Берки» стал русским святым под именем Царевича Петра Ордынского. Сей племянник хана Берке прибыл в град Ростов в 1253 году. Из его жития можно узнать много бытовых эпизодов взаимоотношений русских и татар того времени. Чтобы царевич не вернулся в Золотую Орду, его решили привязать к городу посредством женитьбы. Невесту Петру Ордынскому нашли тут же в Ростове, у жившего там «ордынского» вельможи: «Князь же поя ему от великих вельмож невесту, боша бо тогда в Ростове ординстий вельможа». Про крещение невесты в житии не сказано, значит, либо «ордынский вельможа» уже был крещеным татаринцем, либо «русским ордынцем» высокого ранга. Скорее всего, тысячником ростовской рати. Потомки царевича очень быстро «обрусели», носили русские имена и подвергались постоянным притеснениям со стороны ростовских князей. Из-за этого им постоянно приходилось ездить в Золотую Орду и получать ярлыки для подтверждения своих прав. Несмотря на трения, именно правнук царевича Петра Игнатий Юрьевич спас город от возможного разорения от воеводы Ахмыла в 1322 году. Ахмыл прибыл с московским князем Иваном Даниловичем Калитой для установления порядка на Руси. Первым делом разорил Ярославль и двинулся к Ростову. Князья Федор и Константин Васильевичи с епископом Прохором бежали, оставив город на произвол судьбы. «Игнат же извлек меч и угна владыку и рече ему: «Аще не идеши со мною противу Ахмыла, то сам посеку тя. Наше есть племя и сродичи». Епископ вернулся, вышел с Игнатием навстречу Ахмылу и конфликт разрешился полюбовно (Русские повести, 1958, с. 98-105). Поступок Игнатия изобличает в нем человека «воинского». Его сын Петр участвовал в битве на Куликовом Поле в сторожевом полку войска великого князя Дмитрия Ивановича, от него идет род Чириковых.

Подобная судьба сопутствовала многим татарам, попавшим на Русь. Небезызвестен Мурза Чет, от которого, по родословцам, идут рода костромских бояр Сабуровых и Годуновых. С.Б. Веселовский сомневался в такой возможности, найдя несколько хронологических несуразностей в родословцах (Веселовский С.Б., 1969, с. 162-168). Однако подобные несуразности он сам и объясняет относительно родоначальника Квашниных Нестора Рубца и его сына Родиона (Веселовский, 1969, с. 264-266). Почему подобную схему нельзя применить к Сабуровым? Сам же Веселовский объяснил, почему многие родословцы начинаются с Юрия Александровича Зерна, а не с родоначальника Захарии (Чета), который фигурирует в синодиках и поминаниях. Единственный весомый аргумент – «такие ранние выезды из Орды на Русь (во второй половине XIII века) мало правдоподобны». Но на примере Петра Царевича и Ивана Шаина мы видим ошибочность данного утверждения. Весьма вероятно, что мурза Чет был послан в Кострому. Поселился там подобно ростовскому «ордынскому вельможе», на дочери которого женился Петр Ордынский, крестился, а для завоевания расположения местного населения

основал Ипатьев монастырь. Возможно, что крещение было обязательным для татар, посылаемых служить на Русь. Так, родоначальник Старковых, царевич Серкиз (Черкиз) приехал на Русь во времена князя Дмитрия Ивановича, крестился и стал Иваном. Его сын Андрей Иванович Серкизов на Куликовом поле командовал Переяславской ратью (Веселовский, 1969, с. 397-398). Логично предположить, что царевич Серкиз был назначен тысячником ордынской переяславской «тысячи», а его сын унаследовал эту должность. Интересна в этом отношении и история основателя рода Мячковых Алабуги, в родословце сказано: «Из Таврижского царства был на Москве у великого князя Дмитрия Ивановича Донского посол – звали его Алабугою, а на Москве крестился» (ПИРСС, 2011, с. 143). В достоверности записи ранее не сомневался С. Б. Веселовский (Веселовский, 1969, с. 412), не сомневается и современный исследователь А. В. Кузьмин, уточнивший историю рода (Кузьмин, 2002, с. 14-23). В вопросе с Алабугой следует отметить, что он прибыл на Русь не «служить князю», а «послом», т.е. по повелению хана. Возможно, с ярлыком, позволяющим ему занять некую должность, а великий князь должен был принять это как данность. Это уже впоследствии, потомки Алабуги стали слугами московских князей, но не в момент его прибытия.

Кроме этих «назначенцев из центра» имелись и настоящие княжеские слуги из татар, которые служили за поместье: «...да Крилатьское село, што было за татаром» (ДДГ, 1950, №21, с. 58), возможно, они были делюями. Следует отметить, что ханы, за такими татарами продолжали пристально следить: «Приходил из Орды на Русь посол царевич Ентякь и был на Москве да избомолвил Микулу Татарина» (ПСРЛ, т. XXV, 2004, с. 232).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что воинство Великого Княжества Владимирского являлось составной частью войска Золотой Орды и мало чем от него отличалось в части состава, вооружения и образа действия на поле боя. Слова немецкого историка конца XV века Альберта Кранца, сказанные относительно битвы на Куликовом поле: «ut solent ambae nationes magnis agminibus non stantes pugnare, sed incurrentes jaculari et ferire, mox retrocedere» (Карамзин, 1993, с. 248) можно принять как верные. Перевести их можно примерно так: «Оба народа по обычаю не сражались постоянно большим войском, а насккивали с метательным оружием, убивая, потом возвращаясь назад». Да и сами русские, в конце XIV – начале XV веков не стеснялись называть себя «ордынцами», даже в патристических сочинениях: «Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Русскую землю? То ты била орда Залеская...» (ПКЦ, 1998, с.118).

ЛИТЕРАТУРА

- АЗР. Т. I. – СПб., 1846.
 Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. – Вып. I. – М.: РАН, 2005. – 152 с.
 АСЭИ СВР. Т. I. – М.: Наука, 1952. – 690 с.

- АСЭИ СВР. Т. III. – М.: Наука, 1964. – 688 с.
- Быков А., Кузьмина О. Митрополит Киприан. Портрет на фоне эпохи // 1 сентября. История. – 2001. – №22-23.
- Вашари И. Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 3. – Казань: «Фэн» АН РТ, 2010. – С. 22-30.
- Валеева-Сулейманова Г.Ф. Шапка Мономаха – имперский символ татарского происхождения // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. – С. 22-28.
- Вернадский Г.В. Монголы и Русь. – М.-Тверь: ЛЕАН-АГРАФ, 2001. – 480 с.
- Весселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – М.: Наука, 1969. – 584 с.
- Гордеев А.А. История казаков. Часть 1. Золотая Орда и зарождение казачества. – М.: Страстной Бульвар, 1992. – 176 с.
- Горелик М.В. Монгольский костюм и оружие в XIII-XIV веках: традиции имперской культуры // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 121-137.
- Горский А.А. Москва и Орда. – М.: Наука, 2005. – 214 с.
- ДДГ. М.-Л.: АН СССР, 1950. – 593 с.
- Добродомов И.Г., Кучкин В.А. Делюи средневековой Руси // Древнейшие государства Восточной Европы 1998 год. М.: Восточная литература. – 2000. – С. 88-98.
- ЗОВИ. Центр по изучению военной и общей истории. – Т. I. – М., 2003. – 448 с.
- ЗОВИ. Центр по изучению военной и общей истории. Т. III. – М., 2009. – 336 с.
- История происхождения законов янычарского корпуса. – М.: Наука, 1987. – 284 с.
- Карамзин Н.М. История Государства Российского. – Т. V. – М.: Наука, 1993. – 560 с.
- Книга Марко Поло. – М.: ГИГЛ, 1955. – 376 с.
- Кузьмин А.В. Крещеные татары на службе в Москве // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – №3 (9). – 2002. – С. 5-23.
- Кучкин В.А. Последний договор Дмитрия Донского // Средневековая Русь. ИНДРИК. – 2007. – С. 275-316.
- Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. – М.-СПб.: Альянс-Архео, 2007. – 776 с.
- ПИРСС. – М.: Древлехранилище, 2011. – 556 с.
- ПКЦ. – СПб.: Блиц, 1998. – 412 с.
- Почкаев Р.Ю. Русские войска в золотоордынских компаниях (к вопросу о статусе вассальных правителей в государствах Чингизидов) // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 3. Казань: «Фэн» АН РТ, 2010. – С. 36-44.
- ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 496 с.
- ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 648 с.

- ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 564 с.
- ПСРЛ. Т. X. Никоновская летопись. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 248 с.
- ПСРЛ. Т. XI. Никоновская летопись. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 256 с.
- ПСРЛ. Т. XVI. Вологодско-пермская летопись. Рукописные памятники Древней Руси. – М., 2006. – 432 с.
- ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. – М.: Знак, 2007. – 328 с.
- ПСРЛ. Т. XXV. Московский Летописный свод конца XV века. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 488 с.
- Русские повести XV-XVI веков. – М.-Л.: Гослитиздат, 1958. – 488 с.
- РФА. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 552 с.
- Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. – Казань: «Фэн» АН РТ, 2009. – 232 с.
- СКЦР. – Т. I. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 598 с.
- СС. – М.: КМК, 2002. – 156 с.
- Татищев В.Н. Т. V и VI. – М.: Ладомир, 1996. – 784 с.
- ТК и ДТ. – М.-Л.: АН СССР, 1950. – 456 с.
- Хрусталев Д.Г. Русь: от нашествия до «ига» 30-40 гг. XIII века. – СПб.: Евразия, 2004. – 320 с.

Список сокращений

- АЗС – Акты, относящиеся к истории Западной Руси
- АСЭИ СВР – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв.
- ЗОВИ – Золотая Орда в источниках
- ПИРСС – Памятники истории русского служилого сословия
- ПКЦ – Памятники Куликовского цикла
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- РФА – Русский феодальный архив XIV – пер. пол. XVI века
- СКЦР – Степенная книга царского родословия
- СС – Сокровенное сказание монголов
- ТК и ДТ – Тысячная книга и дворовая тетрадь